

Текстовое описание Интернет – проекта

«Забытый памятник забытой войны»

Название проекта: «Лицом к лицу с фашизмом»

Номинация: «Трагедия Холокоста»

Руководитель проекта: Сибгатова Дания Насыховна, учитель обществознания и истории, руководитель кружка «Краеведение: пишем историю края».

Участник проекта: Махмутов Гульфар, ученик 8Б класса

Место реализации проекта: МОУ «Нурлатская гимназия» Нурлатского муниципального района, Республика Татарстан.

Лицом к лицу с фашизмом.

Из вступительного слова председателя правления Советского детского фонда им.Ленина, писателя Альберта Лиханова на Всесоюзной встрече бывших малолетних узников фашистских лагерей, состоявшейся 22 июня 1988года в Киеве: « ...Женщины и мужчины, братья и сестры, простите нас! ...Простите нас, что даже сама Ваша попытка соединить свои силы во благо воспитания новых поколений носила странно самодеятельный, любительский характер, хотя ваше место в обществе должно быть преисполнено высшего почета, уважения, поклонения.

Простите нас за то, что дети нашей страны, выросшие в мире и благоденствии, не знают поименно вас, безвинных страдальцев тяжелых лет...»

С Раисой Александровной Инякиной мы встретились у знакомой три-четыре года назад совершенно случайно. Мы не были знакомы, хотя довольно часто встречались, особенно на мероприятиях с участием хора «Ветеран». Поэтому не удивительно, что я и предположить не могла, что уже не один десяток лет совсем рядом с нами живет человек, в далеком детстве переживший ужасы концлагеря Освенцим. И вот уже второй год она дружит с коллективом нашей гимназии, встречается с нашими учениками, рассказывает о пережитом...

В 1941 году их большая семья проживала в Белоруссии в с. Нивье Россонского района Полоцкой области. Село было очень большое, имело свою большую красивую церковь, большую школу и детский сад. Раиса помнит, как однажды летом в их село приехал солдат на лошади, а вскоре отец оделся и ушел, как оказалось на войну, навсегда. Это был 1941-й год, и девочке в ту

пору было 4 годика. Отец погиб на войне, но она так и не знает где и когда. По молодости ума не хватило разузнать все подробно, а чуть позже не у кого было спрашивать.

Зимой 1942 года немцы вошли в их село. Это произошло как раз на следующий день после того, как Раису крестили. Немцы стали устанавливать «новый порядок», жестоко наказывая за малейшее неповиновение. Как страшный сон вспоминает Раиса то, как летом 1943 года собрали женщин, детей, и стариков в большой бане, что стояла у окраины села, у самой реки. Ее построили до войны общими усилиями 5 семей, так и пользовались, растапливая по очереди. Набив битком жителей села, баню подожгли. В огне живьем сгорели десятки беспомощных людей. На следующий день все ходили на пепелище, смотреть на груды обуглившихся скелетов и костей. Стоны, душераздирающие крики и плач женщин и детей звучат в ушах и по сей день. Такое не забывается...

Белорусский край вошел в историю Великой Отечественной войны как край партизанский. Все взрослое население поднялось на активную борьбу против захватчиков и уже в первые месяцы войны в лесах стали создаваться первые партизанские отряды. К середине 1942 года партизанское движение расширилось до таких размеров, что стало предметом серьезной озабоченности немецкого командования. И началась беспощадная война против партизан и их семей с использованием самых жестоких карательных мер.

Но волну народного сопротивления было уже не остановить. И стар и млад, женщины и дети ежедневно пополняли ряды народных мстителей за слезы и горе своих родных и близких.

И мать Раисы, у которой на руках было четверо детей, младшему всего два годика, была связной у партизан. Она часто уходила из дома, повесив через плечо вещмешок, в котором были сухари, махорка, несколько картофелин... Поздней осенью 1943 года мать увели на допрос, пытали так страшно, что дети привезли ее домой, положив на санки, сама она идти не могла. А вскоре с наступлением зимы в дом пришли два немца в касках, с автоматами наперевес и, молча, вытолкали ее во двор. И здесь же под окошком, на глазах застывших от ужаса детей, расстреляли, пройдясь по ней автоматной очередью. Так и сохранила память дочери образ матери в темно-синей куртке с длинной косой. Несколько дней у дома стоял караул, ждали, кто проявит интерес к этому дому. Но по деревне уже пробежали активисты, стуча в окошко и предупреждая, чтобы не подходили к дому Литвиновых.

Дети остались одни. Было страшно холодно и нечего было есть. Хотя скотину, зерно и картошку давно уже отобрали немцы, при матери еще как-то перебивались. Но дети и предположить не могли, какая страшная участь им уготовлена судьбой. Вскоре Литвиновых вместе с сотнями других детей загрузили в грузовики, оттуда в товарные вагоны, продуваемые насквозь и предназначенные для скота. Их привезли в Польшу, в концлагерь Освенцим. Дети

подпольщиков и партизан, сызмала испытавшие недетское горе, увидев казнь своих родителей, были обречены еще на одну бесчеловечную месть – фашистский концлагерь, где они стали материалом для осуществления программы денационализации тысяч детей – «банденкиндер». У детей брали кровь, кожу, на них ставили бесчеловечные опыты и лишали права на человеческое достоинство и жизнь.

Среди гитлеровских «комбинатов смерти» по степени продуманности, технической организованности и жестокости истребления людей Освенцим являлся как бы флагманом индустрии уничтожения, оставляя далеко позади многие известные немецкие лагеря смерти. Он был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гимлера специально для уничтожения поработенных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь располагался на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Моновице, Голешау, Явишовец, Нейдахс, Блехамер и др. Основные из них – Аушвиц и Биркенау, например, имели свыше 620 жилых барачков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержались постоянно от 1800 до 2500 тысяч заключенных. Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500-3000 человек в каждом эшелоне. Из каждого прибывшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 человек наиболее трудоспособных для работы в лагерях или «годных» для опытов, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагеря Аушвиц и Биркенау. Примерно раз в месяц по списку, утвержденному комендантом лагеря, детей «предъявляли» членам окружной расово-биологической и медицинской комиссии. И на основе «объективных данных» (результатов анализов, осмотра) решали их судьбу. Каждого ребенка относили к одной из трех демографических групп: составляет желательный прирост населения; составляет возможный прирост населения; составляет нежелательный прирост населения.

Поразительно, но все четверо Литвиновых выжили в этом страшном аду, и до конца 1945 года, когда их освободили советские войска, они прошли все тяжкие испытания. Спали в темных бараках с крошечными окнами, на трехъярусных деревянных нарах, на соломе, которая кишела вшами. От них не было спасения ни днем, ни ночью. Насекомые буквально загрызали детей, их можно было собирать горстями, Время от времени одежду помещали в специальные контейнера, в которых воздух прогревался до очень высокой температуры, вши лопались, а затем их соскабливали с ткани дощечками. Номера лагерные либо выкалывали на руках, либо пришивали в левом углу одежды. Сбоку у каждого была привязана пустая консервная банка, в которую иногда наливали похлебку, Детям всегда хотелось есть, а в воздухе постоянно стоял тошнотворный запах горелого мяса – это сутками работали печи крематория. Не меньше одолевала жажда, поэтому пили воду из любой попавшейся на пути лужи, отцеживали мусор и грязь. Ноги на деревянных колодках были опухшие и натертые до крови, на голове – лишай, на лице и теле золотуха с палец

толщиной. Как в лагере, так и после освобождения по дороге в детские дома от болезней умирало очень много детей. Но, вопреки человеческой логике, даже в этом аду рождались дети.

Однако, с новорожденными детьми поступали более чем бесчеловечно.

Как свидетельствует в своей книге **«Рапорт акушерки из Освенцима»** полька Станислава Лещинская – бывшая узница Освенцима, которая являлась акушеркой и приняла на руки свыше трёх тысяч младенцев, *«... до мая 1943 года всех детей, родившихся в освенцимском лагере убивали самым жестоким образом – топили в бочке... После каждого родов из комнаты, где обитали «сестры», до нашего слуха доходили громкое бульканье и всплески воды. Нередко несчастная мать видела, как её ребёнка выносили из блока. Это было ужасно. Кожа на теле ребёнка была если не разодрана, то изглодана крысами. В мае 1943 года ситуация с некоторыми детьми изменилась. И вот каким образом. У матерей начали отнимать голубоглазых и светловолосых детей и отправлять их с целью денационализации в Накло. Пронзительные крики матерей сопровождали отъезжавшие транспорты с младенцами. Женщины не находили себе места. Пока младенцы были в лагере, само ощущение материнства порождало надежду. Тем страшнее становилась разлука.*

Что касается детей еврейской национальности, то они, по прежнему, уничтожались с беспощадной жестокостью. Нечего было даже надеяться спрятать их. В случае, когда рожали еврейские женщины, «сестры» Клара и Фанни проявляли повышенную бдительность.

Участь оставшихся в живых детей была, пожалуй, наиболее тяжёлой, поскольку они умирали медленной голодной смертью. Кожа их становилась тонкой, похожей на пергамент. Сквозь неё просвечивали рёбра, кровеносные сосуды, кости.

Если говорить о закономерностях, то хотела бы отметить такую: наибольший процент выживаемости наблюдали среди детей, рождённых узницами из Советского Союза. Кстати, именно они составляли половину нашего лагерного контингента....»

Сколь велика трагедия, постигшая схваченных гитлеровцами детей советских патриотов – партизан и подпольщиков, говорят цифры: из почти 22 000 «банденкиндер» - уроженцев нескольких приграничных западных областей СССР в живых осталось 1920 человек. Уцелел один из десяти, даже меньше, чем один...

Несмотря на возраст, они были патриотами, эти сельские мальчики и девочки, окончившие до войны по три или четыре класса. Они выжили, ибо постоянно заботились друг о друге, помогали больным, поддерживали слабых. Они выстояли, ибо верили в Победу.

В 1944 – 45 году освобожденных детей увозили как можно дальше в тыл в Белоруссию и Украину, лечили, откармливали и распределяли по детским домам. Только через 35 лет все дети

Литвиновых соединились вместе, ведь их с самого начала рассортировали по разным лагерям. Как оказалось, брату Ивану 1934 года рождения, удалось бежать с военнопленными и, перебравшись через реку, попасть в Полоцк. Он закончил ремесленное училище, служил в Армии в Ленинградской области, и сам разыскал своих близких после войны. Когда 10-летнюю Раису хотели удочерить еще в детдоме, она категорически отказалась, она уже понимала, что таким образом может навсегда потерять своих родных и близких.

Ее в числе 100 детей в 1950 году направили учиться в специальное ремесленное училище связи №3 в г. Рига. Белорусские дети находились на гособеспечении Латвии, т.к. Латвия официально помогала сиротам-детям партизан. В первый же день, по прибытию в общежитие, у них забрали вещевые мешки и деревянные «чемоданы» с трехдневными сухими пайками, переодели в бутсы и х/б платья-формы и усадили за обеденный стол. Этот первый обед в Латвии Раиса Александровна помнит до сих пор. На столе были бутерброды с сыром и колбасой, яйца, молоко. Но после первых же кусков детей начало рвать, дети просто отвыкли от нормальной еды, успели забыть вкус яиц и молочных продуктов, а колбасу многие видели впервые в жизни. Так что белорусам ничего не оставалось, как потребовать из запертых охраняемых камер хранения свои пайки и поесть от души. «В целом же хорошего отношения к себе мы не чувствовали. Наоборот, латыши нас - забытых, голодных - не любили, унижали, оскорбляли, над нашими «нецивилизованными манерами» потешались, смеялись. Но мы всегда держались вместе, дружно защищали друг друга, даже в городе ходили строем, держась за руки... Правда, специалистов из нас подготовили очень хороших и распределили по всей стране. » Раису направили в военную часть близ Балагое в Калининградской области начальником почты. Здесь она познакомилась с Геннадием Инякиным, который служил здесь после окончания полковой школы во Владимире. В 1962 году они с семьей приехали в Нурлат, поближе к родным мужа, который был родом из Андреевки. В семье выросло двое сыновей, старший Александр работает в управлении технологического транспорта нефтяников, второй – майор служит в Хабаровске по контракту. Внук тоже - будущий военный.

Четверо внуков и одна правнучка составляют сегодня весь смысл жизни Раисы Александровны... Ей, чье детство было опалено войной, очень хочется, чтобы они в жизни познали только счастье и радость, ведь пережитого ею хватило бы не на один десяток взрослых плеч...